

ФИЛОСОФСКАЯ ЭССЕИСТИКА

ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ «ИЗОБРЕТЕНИЕ МЫСЛИ»

Ф.В. Тагиров

Мы видим, что истинное я, то, которое желает быть самим собой, терпит крах, а это значит, что оно готово к чему-то другому, и это другое — Трансценденция.

К. Ясперс

Понятие «трансценденция» происходит от латинского слова *transcendens*, которое означает «перешагивающий», «выходящий за пределы». Соответственно, трансцендентным будет то, что допускается или утверждается в качестве существующего «за пределами», «по ту сторону» чувственно-воспринимаемого мира и познавательного опыта. Очевидно, что «запредельность» не в последнюю очередь зависит от того, как, где и, главное, чему мы устанавливаем пределы. Даже бог — казалось бы, высшее выражение Трансценденции — может быть в разной степени за пределами этому миру. Мифологическое сознание, например, древнего грека или индийца не проводило непреодолимой границы между миром земным и божественным: боги спускались на землю, жили среди людей, вмешивались в их дела, вдохновляли на подвиги; от человека их отличало, в первую очередь, бессмертие и иной уровень могущества, как правило, человеку недоступный. С другой стороны, иудео-христианский бог, к примеру, в значительно большей степени внеположен человеческому миру: взирая на человеческую историю как бы со стороны, как бы нависая над ней из вечности, абсолют авраамических религий абсолютно трансцендентен.

В строгом смысле слова трансцендентным следует считать только то, что именно выходит *за* пределы физического мира, физического существования, бытия-в-мире. На протяжении веков человек изобретал разной степени убедительности доказательства бытия Высшего начала или его небытия, однако объективное существование или несуществование Абсолюта не способно повлиять на существование Трансценденции, чье место в умах и сердцах людей в не меньшей степени, чем на небесах, и едва ли наука сможет когда либо дать окончательный ответ, что из них является отражением чего.

В отношении же самой Трансценденции мы вынуждены признать ее неподвластность дискурсу. Наш язык сформировался в *этом* мире, его слова (научные понятия, в частности) описывают известные явления *этого* мира, и, даже если бы мы имели опыт трансцендентной природы, нам было бы чрезвычайно трудно адекватно осмыслить его, описать и передать другому. Буддистская нирвана, например, потому чаще всего определяется негативно (через то, чем она не является), что она по своей сути отлична от всего, что есть в мире сансары. Обещания, что «в раю никто не будет знать нужды», «пищи будет хватать на всех», а «праведных ожидают только счастливые дни и удовольствия, от которых им пришлось отказаться при жизни», могли служить убедительным билетом в Трансценденцию для простолюдина, но едва ли были способны удовлетворить сомнения человека мыслящего. Ведь трансценденция являлась людям под разными масками — как идеальная модель этого мира, понятная и обнадеживающая, и как высшая тайна человеческого существования, манящая, томящая.

В прошлом Трансценденция занимала центральное место в жизни человека. Распределение власти и собственности в обществе, ценностные конструкции, доступные модели самореализации и предлагаемые культурой смыслы жизни — все это и многое другое так или иначе вращалось вокруг идеи Трансценденции. Это в равной мере относится как к традиционным обществам минувших эпох, так и к традиционным обществам современности. Любое традиционное общество живет, как следует из самого понятия, традицией, при этом символическая значимость традиции почитания и интерпретации трансценденции безусловно преобладает над традицией возделывания земли или традицией внутрисемейных отношений. Очевидно, что неотъемлемое присутствие трансцендентного начала в духовно-культурном горизонте не означало, что каждый или даже каждый второй человек будет трансцендировать. Еще ни одно из известных нам обществ не было полностью трансцендирующим, даже древнеегипетское, вопреки расхожему мнению, что земная жизнь древних египтян была всецело посвящена жизни загробной. Однако общество, где человек с самого рождения и до самой смерти находится в окружении символов, отсылающих его к Трансценденции, в *большей степени предполагает возможность* пойти дальше ритуального повторения определенного набора действий и начать трансцендирование, нежели общество «современного типа», где Трансценденция либо маргинальна, либо относится к дополнительному набору практик «на выбор».

С другой стороны, человек традиционного общества всегда ограничен сформировавшейся в этом обществе традицией интерпретации трансцендентного начала. Будучи ограниченным в возможностях соотносить и анализировать тот обширный культурологический материал, что доступен человеку нетрадиционного общества, он привычно видит Иное, в частности иное понимание Трансценденции, как порочное, в лучшем случае ошибочное. В этом отношении человек нетрадиционного общества не только не ограничен определенной системой трансцендентного, но имеет возможность выбирать традицию по собственному усмотрению; более того, сравнивая и анализируя различные интерпретации, он

в поисках Трансценденции более склонен трансцендировать ее исторически и культурно обусловленные формы.

Как бы то ни было, западные общества, начиная с эпохи Возрождения и Нового времени постепенно утрачивают присущую им ранее трансцендентную ориентированность. Трансценденция отступает в сферу непосредственно религиозных практик, которые, в свою очередь, все более становятся личным делом каждого, или в философские учения, безудержный сциентизм которых либо со временем оборачивается позитивизмом, не терпящим метафизики, либо иссушает Трансценденцию до ее понятийно-логической оболочки. Даже там, где благочестие и религиозность не считаются атавизмом, они рассматриваются как признак хорошего тона или воспитания, а соблюдение обрядов и ритуалов в обществе, где с детских лет мир человеку объясняет наука, неотвратимо вырождается в неотрефлексированную формальность. К XX в. бог *по существу* стирается с символически-смыслового небосвода — это явление, названное Ф. Ницше «смерть бога», является переломным и чрезвычайно значимым для понимания судьбы современного человека. Р. Генон во второй четверти XX в. утверждал, что в современной ему Европе было бы очень трудно найти по-прежнему живую традицию. В поисках таковой он оказывается вынужден обратиться к традициям Востока — прежде всего индуизму и исламу. Э. Гидденс отмечает, что сегодня на Западе можно констатировать диагноз «*конец традиции*», причем это явление начинает активно распространяться и на традиционные восточные общества, если только они не успевают схорониться в крепости фундаментализма. Но если налицо конец традиции, если бог умер, то означает ли это и конец Трансценденции, ее смерть?

После смерти бога, с уходом подлинно трансцендентных форм Трансценденции, в преимущественно секуляризованном обществе выживают в основном такие формы, которые в прошлом, как правило, не существовали обособленно. Власть сама по себе была трансцендентна и в традиционном обществе, но, в основном, за счет некой постулируемой связи с божественным началом. Сегодня власть, по сути, остается трансцендентной для большинства населения даже в обществах, называющих себя демократическими, либо в силу неразвитости гражданского сознания, либо в силу совершенных механизмов управления и манипуляции. Богу богово, а кесарю кесарево, но в настоящее время, когда не вполне ясно, кому отдавать богово, кесарево также становится по-своему трансцендентным. Экономика трансцендировала интересы отдельного человека или группы людей, глобальная экономика выходит за пределы национальных государств. Виртуализация экономики делает ее по-новому трансцендентной, ибо здесь уже больше нет строгого и непосредственного соответствия между деньгами и товаром, между экономикой и ее материальным основанием.

Рай был всегда потусторонен этому миру, однако определенные социальные теории предположили возможность построения рукотворного рая в обход Тысячелетнего царства, Страшного суда и прочих не зависящих от человека «абстракций». Тем не менее, обещанный «рай на земле» оказывается едва ли менее трансцендентным, чем рай посмертный. Ж. Бодрийяр отмечает, что точно так же, как

церковь живет отсроченной вечностью, государство живет отсроченным благополучием. Символы до своей секуляризации были способны отсылать человека к трансцендентным смыслам. Современный человек сакрализует сами символы, молится на знамя, на статую, на площадь, бальзамирует вождей, которые искоренили саму мысль о посмертном существовании. Конечно, новые «сакральные» символы изначально дороги человеку не сами по себе, они все-таки остаются символами и, следовательно, играют главную свою роль — символизируют, но то, что они символизируют, «сакрально» не по своей природе, а через подмену, необоснованный отрыв, дистанцирование от реальной жизнедеятельности людей.

Итак, после смерти бога Трансценденция сохраняется, при этом, однако, мы вынуждены констатировать ее *падение*. Такая «Трансценденция» принципиально ниже своей потусторонней предшественницы и в значительно меньшей степени способна справляться со своими основными функциями — утверждением порядка над хаосом и объединением людей, разделенных посюсторонними противоречиями. Такая «Трансценденция» способна объединять людей, имеющих схожие интересы, но она же и разделяет их, когда их интересы пересекаются, подобно тому, как объект желания превращает братьев во врагов.

Сами процессы, которые ведут к растворению упорядоченности социального, оказались возможными только с уходом традиционной Трансценденции, а все прочие Трансценденции в силу своей недостаточно трансцендентной природы не способны служить универсальным основанием для взаимодействия того, что по своей земной природе кажется нам различным. Следовательно, стать единым полем для коммуникации субъектов, каждый из которых стремится ко все большей индивидуальности, могло бы только то поле значений и смыслов, которое было бы отражением реальности, *выходящей за пределы* повседневного мира, в котором и укоренены многочисленные разногласия. Но смерть бога, конец традиции едва ли оставляют человеку возможность обрести вершину своих устремлений в Трансценденции традиционного типа. Встает вопрос: может ли человек найти Трансценденцию нетрадиционного типа, которая при этом являлась бы не менее трансцендентной? Тот же Э. Гидденс, утверждающий, что традиции приходит конец, склонен считать, что на самом деле люди не столько отказываются от традиции как таковой, сколько перестают следовать традиции *традиционным образом*. Вместо этого человек — даже в традиционном обществе — обращается к новым, нетрадиционным средствам, чтобы поддерживать ту или иную традицию, начиная от новейших компьютерных технологий и заканчивая технологиями социальными. Это можно справедливо отнести и к религии, которая веками была ведущей традицией взаимоотношений человека и Трансценденции.

Современному человеку чрезвычайно трудно уместить Трансценденцию в однозначные рамки той или иной религии и остаться при этом современным. Поэтому он более склонен идти к Трансценденции путем, по возможности максимально близким к науке, некогда отрицающей Трансценденцию. Современная наука уже не берется по-позитивистски однозначно отметить утверждение о на-

личии недоступной пока нашему пониманию целенаправленной организованности вселенной (антропный принцип). Значительное число исследований ведутся в рамках так называемой холистической парадигмы (которая, вероятно, ближе восточному типу религиозности, нежели иудео-христианскому), подразумевающей единство всех уровней мира и единство с ними человеческого сознания (концепция «синхронистичности» К.Г. Юнга, «космическая игра» С. Грофа, теория «эволюции от Логоса к Холосу» Э. Ласло и т.д.). Все это свидетельствует о том, что для Трансценденции все еще открыта дверь в человеческую жизнь и что для человека все еще открыта дверь в Трансценденцию.